

Переводы и публикации

Евгений Афонасин

«Люди в темные времена»: избранные фрагменты «Философской истории» Дамаския

EUGENE AFONASIN
“PEOPLE IN DARK TIMES”:

SELECTED FRAGMENTS OF DAMASCIUS’ *PHILOSOPHICAL HISTORY*

ABSTRACT. In this paper, I trace the evolution of the Neoplatonic school in Alexandria on the basis of select fragments from Damascius’ *Philosophical History*, translated into Russian for the first time. The fragments concern the Alexandrian intellectual scene of the second part of the fifth century, especially the circumstances of the prosecutions of Neoplatonic philosophers by Christian authorities. Damascius seeks and, it seems, finds a decent way out for an honest man living in these dark times. He does not agree to “crawl into a corner, and from there philosophize majestically and verbally about justice and prudence”, since “speeches unsupported by works are vain and empty” (fr. 124 Athanassiadi). For this reason, he goes to Athens and, thanks to his organizational talents, revives the Academic tradition, which has been in decline since the death of Proclus, but has subsequently, according to Agathius Scholasticus, flourished again, bringing together the best minds of the whole Greek world (*Hist.* 2.30.3).

KEYWORDS: Neoplatonism, Late Antiquity, sources of ancient philosophy, freethinking, persecution.

Противостоять «господствующей вере» — долг неоплатоника. Однако долг этот можно исполнять по-разному. Можно, подобно

© Е.В. Афонасин (Новосибирск). afonasin@gmail.com. Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирский государственный университет.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 18.1 (2023)

DOI: 10.25985/PI.18.1.13

Серрапиону, вести частную жизнь, незаметную для представителей господствующей идеологии (fr. 111 Athanassiadi). Этот александрийский философ — должно быть, старший современник Исидора и его личный друг — весьма преуспел на этом пути, «запершись в своем домишке» и «общаясь с немногими соседями лишь в случае крайней нужды». Философ отличался своим благочестием, всегда принимал участие в публичных ритуалах, касающихся традиционной религии, всё остальное время ведя «богоподобное существование», сочиняя гимны божествам, медитируя и занимаясь толкованием книг Орфея, которые он, не располагая иным имуществом, и завещал Исидору.

Он был глубоким мыслителем, часто обсуждавшим сложные теологические вопросы с Исидором, ни в коей мере не стремясь выносить эти дискуссии на публику. Дамаский специально подробно пишет об этой уникальной личности, отмечая, что в противном случае о нем и его образе жизни люди так и не узнали бы, и противопоставляя его многочисленным честолюбивым и нередко поверхностным коллегам по философскому цеху, в особенности тем, которые своим вызывающим поведением лишь усугубляли положение дел и нарушали хрупкий баланс даже там, где он время от времени достигался. Ярким примером, «во всем противоположным Серрапиону», был ритор и политический деятель Пампрепий. Обладая определенными литературными талантами, Пампрепий быстро продвинулся как у себя на родине в Египте, так и в Афинах, где он не только стал известным грамматиком, но и удачно женился на богатой женщине, что, должно быть, открыло ему дорогу в политику (fr. 112 в). Проявлял он и интерес к философии, соперничая с афинскими платониками — всеми, кроме Прокла, к мудрости которого он «не мог даже приблизиться» (fr. 112 в). Не преуспев среди знатоков философии, он, тем не менее, научился пускать пыль в глаза людям несведущим — в частности, покорив своей велеречивостью крупного константинопольского сановника Илла, что позволило ему сделать блестящую карьеру в столице (fr. 77 D). Однако это стало началом кон-

ца: поддержав неудачное выступление Илла против императора Зенона, он активно вмешался в политику, подстрекая приверженцев традиционной религии сначала в Константинополе, а затем в Александрии выступить против императора и реставрировать древний порядок, демонстрируя им какие-то «пророчества», предрекающие скорую гибель христианства (fr. 113 L–N).

Пампрепия ждал бесславный конец, и вполне заслуженно (fr. 115 C), однако подобная активность его и ему подобных привела к тому, что жестоко пострадали многие ведущие достойный образ жизни люди — грамматики, риторы и философы, чьей единственной виной было неприятие «господствующей веры». Главу александрийской философской школы Гореполлона и философа Гераиска, которого превозносил, по словам Дамаския, сам Прокл (fr. 76 E), пытали на дыбе, требуя выдать вовремя скрывшихся от преследований властей Гарпократа и Исидора (fr. 117 и 128). Брата Дамаския Юлиана арестовали в общественных банях и подвергли пыткам (fr. 119 F, H–K). Никто из них не предал своих. Арестован был выдающийся александрийский грамматик Агапий (fr. 126), казнен в Константинополе теург Максимин (fr. 139), под пытками умер софист Иоанн (fr. 131), разделив судьбу погибшей несколькими десятилетиями ранее от рук христианских фанатиков Гипатии (fr. 43 E). Александрийский философ Аммоний, не выдержав давления, вынужден был пойти на сделку с властями (fr. 118). Впрочем, как полагает Дамаский, свою роль здесь сыграл, как и в случае с Гореполлоном, корыстный расчет (fr. 120 B). Напротив, высокопоставленный чиновник Севериан, получивший великолепное и всесторонне образование в области риторики и римского права, а затем учившийся у самого Прокла, не пожелал, рискуя карьерой, принять предложение стать христианином, исходившее от самого императора Зенона (fr. 108).

Незаметно подтачивали авторитет языческой философии и такие персонажи, как Гиларий, который «отдал» свою жену на попечение другу, а сам, избавившись таким образом от семейных обязательств, прикатил в сопровождении наложниц из Антио-

хии в Афины изучать философию у Прокла (fr. 91). Не лучше был и Акаматий, который, не ограничившись искусством предсказаний, стремился убедить жителей Гелиополя в том, что разбирается в философии, так что проезжающим через этот город Исидору и Дамаскию пришлось предпринять усилия для того, чтобы убедить людей в обратном и показать полную некомпетентность этого «простеца» (fr. 140).

И всё же Дамаский ищет и, как ему кажется, находит достойный выход для честного человека, живущего в эти темные времена. Он не согласен «забиться в угол и оттуда многословно и величественно философствовать о справедливости и благоразумии», так как «речи, не подкрепленные делами, суетны и пусты» (fr. 124). С этой целью он отправляется в Афины и благодаря своим организационным талантам возрождает академическую традицию, заметно потускневшую после смерти Прокла, но теперь вновь, по словам Агафия Схоластика, переживающую расцвет и объединившую лучшие умы всего эллинского мира (*Hist.* 2.30.3).

*Дамаский. Философская история (Жизнь Исидора)
Избранные фрагменты*

Полный текст этого произведения Дамаския не сохранился, однако он был доступен патриарху Фотию (IX в.), охарактеризовавшему его как «не столько жизнеописание Исидора, сколько рассказ о других людях, как его предшественниках, так и современниках». Выдержки из этих рассказов он цитирует и пересказывает в разных местах своей монументальной «Библиотеки» (причем сначала он выбирает некоторые биографические сообщения, а затем возвращается к началу сочинения и использует те разделы, которые понравились ему по литературным соображениям). Фотий отмечает также, что книга состояла примерно из 60 глав и была слишком большой, чтобы считаться биографией. В лексиконе *Суда* (X в.) наше сочинение названо «Философской историей» и используется в качестве источника примеров употребления различных слов и выражений, а также для биографических статей. В ряде случаев сведения из Фотия и *Суды* пересекаются. Фрагменты сочинения Дамаския впервые собрал и перевел на немецкий язык Рудольф Асмус (Asmus 1911). На основании этой работы спустя полвека их издал Клеменс Цинтцен (Zintzen 1967). Наконец, Полимния Атанасиади (Athanasiasiadi 1999) вновь изучила и систематизировала доступные нам свидетельства. Данный перевод избранных фрагментов из «Философской истории» основан на этой публикации.

В данной работе ссылки на «Библиотеку» Фотия даются, как и в книге Атанасиади, по изданию Henry 1959–1977 в форме Ф 6, где 6 — это номер соответствующей выдержки. Лексикон *Суда* полностью доступен по изданию Adler 1928–1938, и ссылка Σ 3.35.30 указывает на соответствующую книгу (3), главу (35) и раздел (30) лексикона. В некоторых случаях отрывки выглядят как цитаты из нашего сочинения, в других — это лишь пересказ его содержания. В ряде случаев имя Дамаския не упоминается, поэтому я сохраняю астериски, предложенные Полимнией Атанасиади для того, чтобы отметить статус того или иного фрагмента: Σ* указывает на то, что данный отрывок из *Суды* по всем признакам принадлежит Дамаскию, хотя его имя и не названо, а *Σ указывает на тот факт, что в данном случае авторство Дамаския вероятно, но не может быть подтверждено. Угловыми скобками отмечены лакуны текста, квадратными — пропуски и пояснения перевода. Публикация продолжает предыдущие работы (ссылки и библиографию см. Афонасин 2022).

А (Ф 108) Он говорит, что Антемий, римский император¹, был приверженцем эллинской религии, как и его единомышленник Север, идолопоклонник, которого он назначил ипатом. Вместе они втайне замыслили восстановить ненавистное идолопоклонство.

В (Ф 109) Он сообщает также, что Илл и Леонтий, которого он объявил императором вместо Зенона, имел такие же нечестивые замыслы и намерения, и человеком, направившим его по этому пути, был Пампрепий.

С (Ф 110) Относительно Пампрепия Дамаский, как и другие историки, пишет, что он был любителем странных историй, предавал друзей и погиб насильственной смертью. Пампрепий был египтянином и профессионально занимался грамматикой².

Д (Σ 4.14.33) Будучи любителем словесности, Илл пожелал послушать дискуссию о природе души, которую бы вели ученые люди. Тогда многие присутствующие предложили в ответ разнообразные философские теории. Когда же обсуждение стало несогласованным и беспорядочным, Марс заметил, что неопровержимое

¹ Прокопий Антемий, император Запада (467–472). Здесь и далее Атанасианди выделяет курсивом очевидный пересказ Фотием текста Дамаския.

² Биография Пампрепия хорошо известна благодаря сохранившемуся гороскопу (см. Ringree 1976), а также статье в Суде. Он родился в Панополе близ египетских Фив в 440 г., был учеником местного философа Нонна (см. fr. 109). В 473 г. в возрасте 33 лет прибыл в Грецию, некоторое время провел в Афинах — возможно, по приглашению покровителя афинских неоплатоников Теагена (по крайней мере, сохранились фрагменты его энкомия в честь Теагена, см. fr. 77 D и 100). Здесь он женился на богатой женщине и стал известным грамматиком, однако был вынужден покинуть Афины из-за конфликта с Теагеном. В Константинополе, куда он прибыл в 476 г., он добился расположения Илла, магистра милитум императора Зенона, стал профессором философии. Открыто исповедуя язычество, Пампрепий уже тогда вызывал неудовольствие Зенона. Ситуация существенно усугубилась, когда в 481 или 482 г. он прибыл в Александрию, стремясь убедить местное языческое сообщество выступить против Зенона, якобы демонстрируя им пророчества, предрекающие неминуемую гибель христианства. Именно этот этап карьеры Пампрепия занимает Дамаския. Восстание Илла оказалось неудачным, и генерал, будучи окружен войсками Зенона в Исаврии, сам казнил Пампрепия в 484 г. На этот бесславный конец незадачливого провокатора и намекает Дамаский (подробнее см. ниже, fr. 115 с).

решение этой проблемы может предоставить лишь Пампрепий. (Тот был довольно смуглым человеком, отвратительной наружностью, занимался грамматикой, родом из Панополя в Египте. Благодаря [удачному] браку он долгое время прожил в Греции и был привезен к Иллу Марсом.) Пампрепий произнес хорошо составленную речь о душе, сочиненную им некоторое время назад, и поскольку, по словам Платона, невежда кажется невежде более убедительным, нежели человек ученый³, то ему удалось заморочить Иллу голову этой глубокомысленной болтовней так, что последний объявил его самым сведущим из константинопольских учителей. Обеспечив Пампрепия солидным публичным жалованием, он поручил ему обучать тех, кто посещал школы, так, как ему вздумается. Таково было начало благополучия Пампрепия, ставшего впоследствии причиной многих несчастий для государства.

78

А (Ф 256) Никто не глух к божественному настолько, чтобы не замечать его дел и особенно — наказаний грешникам.

В (Ф 257) *Вот если бы он не ошибался в отношении истинной музыки и если бы не ошибался в отношении святой истины.*

С (Ф 258) Соратники и повстанцы иной веры.

Д (Ф 111) Я не собираюсь рассуждать о том, что не обязательно верно и легко может оказаться сомнительным.

Е (Σ 2.580.11) Аммоний и египтянин Эритрий то и дело соперничали друг с другом в Византии, постоянно подвергая себя крайней опасности.

Ф (Ф 112) Но мне хотелось бы теперь оставить то, что связано с Пифоном, и вернуться к Гераиску⁴.

106

А (Ф 164) Исидор весьма отличался от Гипатии, и не только как от женщины мужчина, но и как подлинный философ — от геометра⁵.

³ Ср. Pl. Grg. 459d.

⁴ Соответствующие фрагменты см. в Афонасин 2022.

⁵ Подробнее о Гипатии см. fr. 43.

В (Σ^* 4.645.19) Воспоминания об этих событиях, всё еще свежие среди александрийцев, несколько уменьшили их уважение к Исидору и преданность ему⁶. И всё же, невзирая на великую опасность, которая им грозила, они всё еще стремились к общению с ним, дабы выслушать те речи, которые источали эти мудрые уста. Частые встречи с философом поощряли и те, кто возглавлял риторические и поэтические школы. Ведь, несмотря на незнание их предмета, своей философской точностью он добавлял значимости их мелким ремеслам. Детально разбирая представляемые ими речи и стихи, он высказывал о них суждения, на которые не были способны другие. Во время представления речей в театре он хвалил выступавших сдержанно и вполголоса, однако всегда кстати и по делу. И затем весь театр использовал его суждение в качестве мерил, оценивающего достоинства или промахи того или иного оратора.

В наше время мне известно лишь три критика, способных оценивать сочинения стихотворные и прозаические, ведь все согласны с тем, что один и тот же критик способен оценить и те, и другие творения. Я думаю также, что один и тот же человек может быть творцом в обоих этих жанрах — конечно, если одинаково натренирован и в том, и в другом и испытывает к ним равный интерес. Исидора нет в их числе, так как он был существенно слабее их. Эти критики — Агапий, Севериан и Ном; последний мне ровесник.

107

(Σ^* 1.20.16 + 1.20.19) Агапий, афинский философ, после [смерти] Прокла учившийся у Марина. Он поражал всех как своей любознательностью, так и умением задавать сложные вопросы. Происходил он из Александрии. С детства обучаясь свободным искусствам, он затем стал толкователем в области медицинских наук и, перебравшись в Византий, основал там известную школу.

⁶ Скорее всего, речь идет о преследовании философов школы Горуполлона (о чем подробнее см. ниже), нежели о гибели Гипатии от рук христианских фанатиков (fr. 43).

В полной мере используя свой природный талант и находящиеся в его распоряжении значительные средства, он прославился как знаток в этом искусстве и сколотил немалое состояние⁷.

108

(Σ 4.332.27 + Φ 165 + Φ 285) Севериан из Дамаска принадлежал к одной из лучших семей и был сыном Ауксентия, сына Каллиника, потомка римских колонистов, осевших в Александрии. По природе будучи проницательным человеком, он получил образование в области поэзии, риторики и римского права, заметно отличаясь этим от своих сверстников. Обладая крутым нравом, он тут же стремился исполнить всё, что приходило ему в голову, сначала действовал, а затем думал. По этой причине его жизнь нередко становилась сплошным недоразумением.

Поначалу он пожелал посвятить себя философии и доверить свое обучение Проклу. Ведь именно в это время Прокл был в расцвете сил и преподавал в Афинах. Однако его отец тому воспрепятствовал, так как хотел, чтобы он стал юристом и зарабатывал на отправлении правосудия. Но вскоре отец умер, и он, уже собравшись отправиться в Афины, увидел такой сон. Ему приснилось, что он будто бы сидит на краю скалы как на колеснице и управляет горой. Так и вышло: судьба, необходимость и, что плохо, свободный выбор привели к тому, что он избрал совсем иной образ жизни, по видимости возвышенный и благородный, а на деле тернистый и бесплодный. Он сам был в этом виноват, что последующие события и показали. Вместо философии и беззаботного счастья он устремился в политику и управление. Будучи по природе непобедимым спорщиком, более других стремящимся к славе, он тем не менее своими достойными делами и словами во всем проявлял благородство своей души, не стремился

⁷ См. также fr. 109, 126 с и 127 А (где сообщается о его разностороннем образовании и о том, что он покинул Александрию в конце 480-х после того, как подвергся преследованию за свои философские занятия). Крупный имперский чиновник Иоанн Лид (*De magistratibus populi Romani* 3.26) сообщает, что изучал Аристотеля под его руководством в Константинополе.

к личной наживе и не пользовался своим высоким положением ради несправедливых дел или из жадности. В то же время он вечно спорил и состязался с теми, кто стоял выше него, не позволяя ни одному из высокопоставленных должностных лиц преступать пределы, установленные законом. Он был очень строгим судьей. Поэтому, движимый гневом или из опасения потерять авторитет, он иногда становился ответственным за смерти, не угодные богам и приносящие одни несчастья. Именно это стало причиной тех злоключений, которые впоследствии постигли и его самого.

Именно поэтому он повздорил с Ардабуром, сыном Аспара, влиятельного человека варварского происхождения, приближенного к самому императору, командующего восточной армией⁸. Ему и его отцу изрядно досаждал Севериан. Испытав множество несчастий и унижений, он не извлек из этого соперничества никакой пользы. Будучи чрезмерно щепетильным и к тому же эллином, бедняга так и не уступил, несмотря на многочисленные угрозы и запугивания⁹.

Вместе с ним я прошел самые важные и наиболее политические речи Исократы, которые он разъяснил мне не на софистический манер, но с рассудительностью, присущей философу. Мне он тогда казался человеком красноречивым и политически благоразумным, прекрасным судьей тому, что говорилось другими. Что же до моего младшего брата Юлиана, то он сумел разжечь в нем такую любовь к литературе, что тот готов был учить наизусть творения поэтов и самых знаменитых из ораторов. За свое прилежание он получил вознаграждение, достойное ученика, а именно ужин. В целом к другим поэтам он относился сдержанно, однако, как-то взявши в руки книжицу Каллимаха, он не смог сдержать свое негодование по поводу ливийского поэта и успокоился лишь после того, как наплевал в книгу во многих местах.

Император Зенон предлагал ему высокую придворную должность при условии признания господствующей [религии]. Но это

⁸ Ардабур возглавлял армии Востока с 453 по 466 гг. Его, вместе с отцом, казнил император Лев в 471 г.

⁹ Продолжение этой истории см. в гл. 115.

его не убедило, да и не могло убедить. Причем он сам зачитал нам то письмо, в котором содержалось это неприемлемое для него предложение.

Он осуждал Аркадия из Ларисы в одном из своих писем¹⁰. А Севериан был мастером эпистолографии, в чем можно убедиться, прочитав письма его сочинения.

109

(Σ* 3.476.32) Честностью и благородием Нонн и Януарий превосходили своих соотечественников и, полагаю, почти всех своих современников, вовлеченных в политические дела. Восхищались ими как граждане, так и иноземцы, так как они принесли немалую пользу своей стране, благосклонно принимая у себя иноземцев. Избрав для себя тихую жизнь вдали от публичных дел, они предпочитали тратиться сами вместо того, чтобы приобретать нечто за чужой счет. Таковы были их общие черты. Однако Нонн был более рассудительным и в большей степени склонным к философским речам и тем занятиям, с которых обычно в молодости начинается образование. Кроме того, он отличался критическим умом и лучше многих наших современников был способен судить о достоинствах и недостатках всевозможных литературных произведений, как прозаических, так и поэтических. В общем-то даже Севериан и философ Агапий уступали ему в качестве литературных критиков. Что же касается Януария, то этот лучше проявил себя в публичных делах и был более разумным политиком, нежели его брат Нонн, и в целом отличался большей благоразумностью и сдержанностью.

110

(Ф 166) Развиваться без затруднений и продвигаться вперед шаг за шагом у него не получалось, в отличие от того, как это удалось Феодору из Асины под руководством Порфирия¹¹.

¹⁰ Очевидно, за обращение в христианство из политических соображений.

¹¹ Речь идет об образовании Гегия под руководством Прокла.

(Σ* 3.54.20) Философ непрерывно развивался, шаг за шагом, так сказать, пока не постигло его «паническое» несчастье¹².

(*Σ 2.42.15) Предлагая самого себя в качестве образца, он, подобно талантливому скульпторам, взяв кусок меди, лишенный вида, придавал ему форму и наделял очертаниями.

111

(Σ 4.323.28 + Φ 167) Исидор подружился с этим человеком, превосходившим всех людей, кроме разве что самого Исидора, своим благочестием и философским складом характера. Он настолько был верен себе в поступках и помыслах, на деле подтверждая поговорку «живи незаметно», что никто из младших или старших его современников не знал, как мне кажется, того, кем он был на самом деле. Никто не понимал Серапиона, да и я сам ничего не знал бы об этом человеке, если бы философ лично не рассказал мне о нем. По его словам, Серапиона и прежде невозможно было убедить встречаться с другими людьми, а постарев, он вообще перестал выходить из дома. Запершись в своем маленьком домике, он вел совершенно одинокую жизнь, с немногими соседями общаясь лишь в случае крайней нужды. Серапион, по его словам, отличался своим благочестием и во время традиционных праздников появлялся в святилищах, одетый как обычный гражданин. Большую же часть времени он проводил дома, человеческий образ жизни превратив в богоподобное существование; вознося непрерывно молитвы, он шептал про себя гимны боже-ству или же молча предавался размышлению. Искатель истины, по природе склонный к созерцанию, он мало интересовался техническими философскими вопросами, погрузившись в изучение тех строгих представлений, которые преисполнены божественного. Он не держал у себя никаких книг и не читал ничего, кроме Орфея, задавая, когда это было необходимо, вопросы Исидору, обладавшему совершенными, так сказать, познаниями в теоретических вопросах. Ведь лишь его он считал близким себе человеком

¹² Очевидно, указание на Пампрепия и связанные с ним бедствия (см. гл. 112 ниже и др.).

и принимал у себя дома. В нем, как ему казалось, он видел воплощение мифического [золотого] века Кроноса. На протяжении всей жизни ничему иному он не посвящал свои дела и слова, кроме как [изучению] внутреннего и неделимого.

Его так мало волновали материальные блага, что владел он лишь двумя или тремя книгами, в числе которых была поэзия Орфея. Что же касается телесных наслаждений, то с молодых лет он стремился ограничиваться лишь самым необходимым и на протяжении всей жизни полностью воздерживался от сексуальных отношений. Публичная известность его также не привлекала, так что в городе никто не знал даже его имени. Никто и не вспомнил бы о нем впоследствии, если бы некий бог не пожелал явить человечеству образец жизни, достойной века Кроноса, дабы рассказ о нем не превратился окончательно в миф, никак не подкрепленный историческими свидетельствами. Ведь *так называемый* Хирон, как полагают, стоял на меже, разделявшей века правления Кроноса и Зевса, в силу двойственности своей природы. Таков был Серапион, которого знал философ, так мы о нем и напишем. Не имея родственников, своим наследником он назначил Исидора, полагая, что никто более не достоин получить его имущество, те самые две или три книги.

А (Σ 4.325.3) В то же время в Александрию прибыл другой человек, диаметрально противоположный Серапиону или даже более чем диаметрально, если можно так выразиться. Ведь первый вел образ жизни, достойный Кроноса и Зевса, тогда как второй был скорее подобен Тифону, и даже зверем более безумным и диким, нежели сам Тифон. Ведь, наверное, не осталось никого, кто не слышал бы о душевном складе Пампрепия и его судьбе¹³.

В (Σ 4.15.12 + Φ 168 + Σ^* 2.227.7) Любя почет и не желая оставаться на вторых ролях, он соперничал со всеми, кроме Прокла и других философов. Ведь он не мог даже приблизиться к его мудрости. Что же касается подготовительных наук, то Пампрепий благодаря своим стараниям в них натренировался настолько, что за

¹³ О нем см. прим. к fr. 77 выше.

короткое время заслужил репутацию наиболее знающего и сведущего человека среди местных ученых людей, таких как афинский муж Плутарх, сын Гиерия, и александрийский ритор Гермий, чью славу в качестве ученых он стремился затмить. Старательно усваивая предварительные науки, он преуспел в них настолько, насколько поэт и грамматик может научить мудрости.

Пампрепий был египтянином; будучи по природе склонным к поэтике и занимаясь сочинением стихов у себя на родине, в Афины он прибыл для того, чтобы там заработать необходимое для жизни в качестве профессионального поэта. Афиняне же, пригласив Пампрепия за свой счет, назначили его грамматиком и поручили ему воспитание молодежи <...> И до недавних пор среди афинян он славился в качестве совсем неплохого учителя. Но затем последовала череда деяний, как великих, так и постыдных, которые показывают нам, как превратности судьбы позволяют порочным душевным наклонностям проявиться настолько же явно, как и в результате опьянения на вечеринке.

113

А (*Σ 2.219.3 + *Σ 3.577.4) Он рассказывал тысячи историй, очаровывая ими слушателей не менее, а возможно и более, Одиссея, очаровавшего феаков. В самом деле, ведь рассказ [Одиссея], обращенный к Алкиною, был полон <фантастических историй>, содержащих в себе истинный сокровенный смысл, однако внешне выглядевших как [выдумки], вводящие в заблуждение.

В (Ф 286) А проситель хотел всего лишь разрешения встретиться с правителем.

С (Ф 287) Многие восстали в надежде, что вернуться старые времена.

Д (Ф 288) Пампрепий стал орудием [судьбы], которому было суждено исполнить нечто, противоположное благу.

Е (Ф 169) Будучи по природе трусом и видя, насколько Илл по справедливости любим [народом] и насколько уже могуществен, Зенон начал опасаться за свою жизнь, а его подозрительный характер не давал ему покоя и заставлял испробовать всевозмож-

ные способы и замышлять различные хитрости для того, чтобы устранить Илла.

F (*Σ 2.77.18) Ненавидимый Зеноном, он затаился.

G (*Σ 4.510.25) однако впоследствии всё же был лишен своей должности.

H (Ф 289) «в скором времени», скорее чем «в дальнейшем».

I (Ф 170) Глава тех, кто управляет городом, избранный надзирать над их верой, по имени Петр [Монг] был дерзким и поистине плохим человеком.

J (*Σ 4.679.15) Его отношение к знающим людям [философам] было враждебным и крайне нездоровым.

K (Σ* 1.152.19) Пампрепий показался им человеком двусмысленным, и на него вскоре перестали обращать внимание.

L (Ф 171) Пожалуй, и здесь возобладали пророчества Пампрепия, в которых содержался совет избегать активных действий, постоянно откладывая начало войны на будущее время.

M (Σ 2.116.9) Не кажется ли это безмерной глупостью, вроде той, что по справедливости называется бабушкиными сказками, и даже еще большим вздором?

N (Σ 1.226.4) Что касается меня, то скажу, что лишь этот вид гаданий, как я думаю, подобает человеку, не желающему, подобно животному, вечно разевать пасть в ожидании кормежки.

O (Ф 172) Из речей прибывшего в Египет Пампрепия Исидор понял, что отношение того к Иллу не было здоровым.

P (Ф 173) Да и выглядел он как предатель, пристально наблюдающий за поворотом событий в Римской империи.

Q (Σ* 4.260.15) Философ бежал от него подобно человеку, преследуемому [Эриниями].

R (Σ* 1.433.17) Когда он понял, что Исидор явно сторонится его и уклоняется от встреч, то сразу же удалился и никогда более к нему не приближался¹⁴.

¹⁴ Атанасиади помещает эту фразу, лишённую контекста, и еще ряд ей подобных (например, ff. 113 J, M и др.) в свидетельстве о Пампрепии, отмечая, что в принципе все они могли относиться и к другим отрицательным персонажам

А (Ф 174) Эта скала¹⁵, существенно расширяющаяся сверху, сужалась в нижней части, поддерживая широкую вершину, как бы повисшую в воздухе, и, будучи окружена широким и гористым основанием, она напоминала длинную шею, на которой красовалась впечатляющая голова.

В (Ф 308) необычайно высокая и длинная.

С (Σ 1.93.9) Наиболее примечательные крепости обычно обладают этим свойством. Понять это утверждение можно на основании того, что рассказывают о крепостях. Ведь они, как полагают, прекрасно защищают город, в котором располагаются, и стоят на страже его свободы, в то же время нередко становясь для него причиной порабощения и бедствий, как об этом пишет Полибий.

А (Ф 290) *Перечисляя тех, кто ополчился на нашу святую и вечную веру, пусть и поневоле, понуждаемый силою истины, Дамаский пишет следующее:* император Юлиан попытался, однако его правление не продлилось и четырех лет; несколько позже другую попытку предпринял Луций, главный военачальник при императоре Феодосии в Византии, который, придя во дворец, хотел убить императора, однако трижды не мог выхватить меч из ножен, так как неожиданно увидел высоченную, грозного вида женщину, обнимавшую императора сзади. Позже еще одну попытку предпринял главнокомандующий армиями Востока, однако ему помешала насильственная смерть: он упал с коня и, сильно повредив ногу, скончался¹⁶. Затем Севериан, наш соотечественник,

«Философской истории» — например, к христианским деятелям или же Амминию (о котором см. ff. 117–118).

¹⁵ Скорее всего, речь идет о крепости Папирий в Исавии, в которой укрывались сторонники Илла в 484–488 гг. Обычно с ним идентифицируют замок Чандыр в горах Тавра близ Мерсина (Турция).

¹⁶ Луций был *magister militum praesentalis* при императоре Феодосии II (годы правления: 401–450). Покушение, как видим, не удалось. Известно, что император умер вследствие неудачного падения с лошади на охоте (ср. Jo. Mal. 14.27). Здесь же подобная смерть приписывается не названному по имени военачаль-

вместе с многочисленными соратниками предпринял еще одну попытку уже в наше время, однако был предан своими приближенными и едва избежал смерти; ведь Германарих, сын Аспара, а возможно и другие, доложили о его замысле Зенону¹⁷. Были также Марс и Илл; Марс сам умер от болезни во время восстания, а Илл был схвачен и убил себя мечом.

В (Σ 1.512.9) Исход дела вызвал бы искренний смех даже у тех, кто не склонен смеяться.

С (Ф 291) Он бросил [отрубленную] голову в стан врага, метнув ее подобно диску с высокой скалы¹⁸.

116

А (Ф 175) Однако вернемся к нашему рассказу об Исидоре.

В (Ф 176) Исидор не был сумасбродом, и ничто не затрудняло общение с ним, не чурался он и так называемого стоического отношения к жизни.

С (Σ 1.491.6) Он был обходительным человеком, чуждым всяческого балагурства и шутовства.

Д (Ф 177) В то время он выглядел светящимся от радости, был в хорошей физической форме и прекрасном расположении духа, хотя смерть уже ходила поблизости¹⁹.

Е (Σ* 3.381.2) ... подобно Сократу в поисках истины. Ведь он также отказался подчиниться Тридцати тиранам, которые запрещали ему вести философские беседы²⁰.

Ф (*Σ 2.630.20) Душевная радость была свойственна его характеру.

нику; Атанасиади полагает, что им мог быть исавриец Зенон, *magister militum per Orientem* в 447–451 гг.

¹⁷ О Севериане и Аспаре см. fr. 108. Возможно, благодаря этому предательству император затем пощадил Германариха, казнив его отца Аспара и старшего брата Ардабура в 471 г.

¹⁸ Описывается бесславный конец Пампрепия, казненного Иллом в крепости Папирий.

¹⁹ Речь идет о грядущих гонениях на язычников.

²⁰ Подробнее об этом см. Афонасин 2021.

117

А (Σ^* 1.366.23) Гарпократ, знакомый Аммония, египтянин, грамматик, живший во времена императора Зенона. Когда Никомед услышал, что он узнал о делах, связанных с Аммонием, он сразу же решил арестовать его. Однако Никомед, с самого начала догадывавшийся о том, что это может случиться, либо зная об этом заранее, тут же бесследно испарился.

В (Σ^* 3.615.6) Никомед искал Гарпократа, но не мог его найти. Узнав об этом, философ Исидор послал Гарпократу письмо, раскрывая свои намерения. Однако вестник был схвачен и сообщил имя отправителя. Тогда они схватили Горapolлона и Гераиска и, подвесив их за руки на веревках, требовали выдать Гарпократа и Исидора.

С ($^*\Sigma$ 3.613) Их обоих пытали на дыбе, требуя выдать единомышленников. Они же, стиснув зубы, доказали, что уступить тирану было бы ниже их достоинства.

118

А (Ф 178) Порочный человек, ведущий бесславную жизнь.

В (Ф 292 + Ф 179) Аммоний, жадный человек, всё на свете измерявший деньгами, договорился с тем, кто в то время надзирал за господствующей верой²¹.

119

А (Ф 293) Там лежала куча разнообразных книг.

В (Ф 180) Их [книги] положили среди вещей Юлиана²².

С (Ф 181) Исидор упаковал ларец и другие вещи и держал их наготове для быстрой отправки в порт.

Д ($^*\Sigma$ 4.223.7) Он часто слышал это, однако делал вид, что нет.

Е (Ф 182) Колонна людей, готовых к нападению.

Ф (Ф 183) В это время он как раз отдавал распоряжение слугам захватить с собой скребки²³.

²¹ Имеется в виду Петр Монг, патриарх Александрийский (482–490).

²² Юлиан был братом Дамаския (fr. 108). Описывается спешный отъезд Дамаския и Исидора из Александрии.

²³ То есть арест состоялся в публичных банях.

G (Ф 294) Совокупился ради политического потомства²⁴.

H (Ф 184) Он снова бросил философов в тюрьму, дабы учинить еще один допрос.

I (*Σ 2.358.22) Образ жизни подсудимых делал некоторые обвинения против них невероятными.

J (Ф 185) Юлиан молча и мужественно сносил многочисленные удары палкой по спине; получив множество ударов, он так и не проронил ни слова.

K (*Σ 2.332.30) Этот человек проявил такую выносливость, что несмотря на нависшую над ним смертельную опасность и невзирая на пытки не открыл ни одного из своих секретов²⁵.

L (Ф 309) Так что древние сказания, ставшие частью мифологии, не выглядят более невероятными²⁶.

120

A (*Σ 3.615.1) *Гораполлон, родом из Фенебитиса, селения, расположенного в номе Панополя, грамматик, учивший в Александрии и Египте, а затем в Константинополе во времена Феодосия*²⁷. Он написал сочинение «*О священных местах*» (Τεμενικά) и комментарии к Софоклу, Алкею и Гомеру. Он был знаменитым представителем своей профессии, своей славой ни в чем не уступая древним грамматикам.

B (Σ* 3.615.12) Гораполлон не был философом по природе, но в глубине своей души он хранил некое учение о божестве. И Гераиск предсказал, что Гораполлон перейдет на другую сторону, предав отеческие законы. Так оно и случилось. Обратиться он решил добровольно, без какого-либо насилия — возможно, из стремле-

²⁴ Метафора может указывать на союз Аммония с церковными властями.

²⁵ Ср. X. An. 4.1.23, D. Orat. 23 (C. Aristocr.) 140.

²⁶ Ср. Th. 1.21.1.

²⁷ Речь идет о Гораполлоне Старшем. Вероятнее всего, он жил при Феодосии Младшем (408–450), а не Великом (379–395). См. PLRE I: 442 и PLRE II: 569. Он был отцом философов Асклепиада и Гераиска, о которых специально см. fr. 72 и 76. У Асклепиада был сын, также Гораполлон, живший ок. 440–500 гг., преподававший в Менутисе во времена Зенона и Анастасия. О нем см. ниже и PLRE II: 569–570.

ния к наживе. Нелегко указать другую причину, по которой в нем могло произойти это изменение.

121

(Ф 186) Посмотрев на вещи, приготовленные к отправке, он спросил: «Что ты делаешь, друг мой? Тебя же арестует портовая стража!»

122

А (Ф 310) Он попросил меня о тайной встрече.

В (Ф 187) В скором времени он прибыл и остановился в моем доме.

С (Σ 2.387.26) Написав послание, он отправил его двум философам в Карию.

Д (Ф 295) *Этот автор [Дамаский] говорит: «Раньше я произносил публичные речи, одевшись в плащ оратора». Значит, он носил плащ не только философа, но и оратора.*

123

А (Σ 3.587.20) Ульпиан, брат философа Исидора²⁸. Он был настолько одаренным математиком, что сам изобретал новые задачи и предлагал для них свои решения с математическими объяснениями. В качестве математика он весьма прославился в Афинах. Восхищаясь его талантом, Сириан постоянно повторял, что нет такой сложной и хитрой загадки, которую он не решил бы легко и непринужденно. Что же касается других частей философии, то в них он не внес ничего достойного упоминания. Ульпиан был добрым и обходительным человеком и в этом отношении весьма отличался от своего брата — по-видимому, потому, что на протяжении всей своей жизни совершенно воздерживался от участия в публичных делах.

В (Σ 3.588.12) Таким был Ульпиан, который умер молодым и неженатым, часто восхваляемый за свою доброту.

²⁸ Очевидно, Исидор был младшим ребенком в семье. У него была старшая сестра (см. fr. 11) и старший брат Ульпиан, учившийся в Афинах у Сириана.

124

(Ф 296 + Σ 3,587.30) Люди прославляют в качестве добродетельной жизнь, проходящую в стороне от публичных занятий. Я с этим не согласен. Ведь добродетель, вовлеченная в гущу политической жизни с ее публичными делами и речами, упражняет душу и укрепляет ее, направляя к здоровому и совершенному; в то же время всё грязное и лживое, порой присущее человеческой жизни, становится явным, и душа охотнее встает на путь исправления. Занятия политикой позволяют творить добро и приносить пользу людям, а также учат смелости и стойкости. Потому-то умники, сидящие в своем углу и оттуда многословно и величественно философствующие о справедливости и благоразумии, попадают впросак всякий раз, когда им приходится что-либо совершить. Речи, не подкрепленные делами, суетны и пусты.

125

А (Ф 297) Он отплыл в Афины к Проклу, который тогда еще не покинул тела.

В (Ф 188) Он прибыл в Афины и нес курильницу с благовониями на похоронах Прокла.

126

А (Ф 189) Крайний и неисправимый порок заслуживает немедленного наказания, но даже и малое отклонение не должно оставаться без порицания. Во многих промежуточных случаях справедливость откладывает излечение порока — возможно, потому, что они извлекают пользу из своих добродетельных поступков, тем самым избегая ножа и огня, либо потому, что они не заслуживают лечения по причине безмерности их порока, либо потому, что вознаграждение за благие дела в их случае перевешивает наказание за злые.

В (Ф 190) Презрение, с каким обращались к философам, могло привести в ярость любого варвара. Сами же философы считали, что они должны проявить терпение и покорно снести всё это.

С (Σ 1.521.6) Императорский посланник арестовал Агапия и других философов и привел их к магистратам.

D (Σ^* 1.125.27) Другие вещи нужны были философам и всем тем, кто стремился к иному ради добродетели и свободного выбора.

E (Σ^* 1.163.25) Ему пришлось обернуться и сразиться.

127

A (Ф 298) Серьезный, но в то же время дружелюбный, Агапий познал древний язык в деталях, недоступных простому человеку, привлекая тем самым к себе внимание в Византии и поразивши своими талантами знающих людей в Александрии. Ведь он был настолько широко образован, что стремился одновременно стать ученым и критиком как в грамматике, так и в риторике — короче говоря, прославив и на самом деле став «квадратом» мудрости.

B (Σ 4.529.26) Будучи серьезным и весьма благопристойным, он, как говаривал Симонид, стал «непорочным квадратом». Так что даже ополчившиеся против него сикофанты не могли игнорировать заслуги этого человека.

C (Σ^* 2.456.28) Терпеливо противостоя тем, кто ополчился против него, он доказал тем самым истинность изречения Сократа, обращенного, как пишет Ксенофонт, к Исхомаху, в соответствии с которым праведный человек извлекает пользу даже из действий тех, кто стремится навредить ему²⁹.

131

A (Ф 192) Анатолий подверг Иоанна³⁰ пыткам и конфисковал всё его имущество.

B (Ф 193) В скором времени он тоже умер.

132

A (Ф 194) С Немесионом мне пришлось общаться по необходимости. Я ни за что не стал бы иметь дело с его свинством, если бы не посольские обязанности.

²⁹ X. *Оес.* 1.15.

³⁰ Возможно, как предполагает Атанассиади, речь идет о софисте, у которого учился Севир Антиохийский с братьями в Александрии (*Vita Severi* 11–12 Kugener).

В (Σ 3.447.23) Увидев меня, Немесион обрадовался, словно исполнились какие-то его чаяния или он неожиданно нашел клад³¹.

133

(Σ 1.249.7) Александриец Антоний, не отличаясь литературными способностями, в этом отношении был не очень основателен. Однако в том, что касается истины, он отличался святостью, всей душой устремившись к почитанию божественного, как публично, так и тайно. В результате Газа в его время стала более святым местом, нежели была прежде.

Занявшись публичными делами, он тут же начал судебный процесс от имени своей сестры, причем вел его настолько страстно и с такой яростной настойчивостью, не щадя ни своего времени, ни своей репутации, что его современники бранили его не за неправду, а за чрезмерное правдолюбие. Ведь в конечном итоге он дошел со своим делом до Византия и там также проявил себя в качестве невероятного спорщика. Победив в конце концов противников, он отдал свою сестру замуж за другого человека, а сам удалился от дел и до конца своих дней избрал жизнь тихую и праздную, отчасти посвященную занятиям философией, но по большей части — поклонению богам в храмах. Нрава он был простого и добродетельного, в особенности в отношении религии. И я лично безмерно благодарен ему и молюсь, чтобы боги воздали ему должное на «островах блаженных», где он, должно быть, уже заслуженно вместе с ними пребывает.

134

А (Σ 2.137.3) Дор из Аравии. Он был, как пишет Дамаский в «Философской истории», могучим искателем истины. Философ Исидор понял, что все свои рассуждения он с самого начала обосновывал гипотезами Аристотеля, потому что таково было его образование с молодости; в результате, не обладая знанием великолепного учения Платона, он не в силах был подняться до понима-

³¹ Согласно Энею из Газы (Ер. 20), Немесион был юристом и очень любил заводить новых друзей.

ния его возвышенных и блистательных размышлений. Осознав это, Исидор постепенно возвращал его назад, раскрывая парус его души для плавания по безбрежному морю истины, в результате чего Дор избавился от перипатетической манеры всё сводить к разбору мелких частных и обратился к диалектике, посланной неким Прометеем вместе с ярчайшим огнем в качестве чистейшего проявления ума и мудрости, так как именно в них обособилась надежда на достижение философского образа жизни.

137

А (Σ 4.823.13) Стяжательство, *то есть накопление денег*, не поможет в Аиде, равно как и роскошь или пресловутая слава, которая ценится больше всего теми политиками, счастьем которых завидует толпа, хотя на самом деле они совершенно несчастные люди.

В (Φ 201) Насколько опасным занятием оказалась риторика, занимающая лишь рот и язык и отвращающая от души и всех тех блаженных и боголюбивых наставлений, которые очищают ее! Осознав это, я отбросил все эти риторические экзегезы. Девять лет я посвятил этим занятиям.

С (* Σ 1.391.24) Оставив риторику, поэтику и остроумие.

Д (Φ 202) Мы провели вместе восемь месяцев, не расставаясь ни днем, ни ночью.

139

(Φ 204 + * Σ 2.326.7) Когда Максимин (а он был убежденным эллином и в силу своей праведности — человеком, способным призывать богов) обращал на кого-то свой взор, он делал это настолько пугающе и пагубно, что те, на кого он смотрел, отводили взгляд. Понимая это, он чаще всего смотрел скорее себе под ноги, нежели на тех, кто попадался ему на пути. В то же время ему довелось увидеть множество чудесных явлений, другими не замеченных. Ему по силам было выгонять злотворных демонов и отгонять насланных со стороны. И всё же он был осужден за нечестие в Византии и не избежал меча.

А (Ф 205) Он не понимал смысла философской жизни. Если кто-то из толпы заносится в этакое высокомерии, будучи простым человеком...

В (*Σ 1.75.17) Акаматий из Гелиополя. Он был благожелательнее остальных граждан, но при этом настолько простодушным, что полагал, будто без какого-либо предварительного образования и знакомства со словесностью уже заслуживает того, чтобы носить имя философа. Именно так он всем и представлялся, в результате жители Гелиополя называли его не иначе, как «философ». Его позор да будет наукой другим людям.

С (*Σ 2.525.20) Он при случае похвалялся перед каждым новичком, придумывая правдоподобные истории.

Д (Σ* 1.75.22) Наш приезд в Гелиополь положил конец той подделки под философию, которую практиковал этот Акаматий. Он также стремился стать предсказателем, что извинительно, так как подобные предметы, при всей своей простоватости, он всё же мог охватить.

А (Ф 206) Не сталкиваясь доселе с такими тяжкими и непоправимыми бедствиями.

В (Ф 207) Ожидаемая им поездка в Карию и Афины очень долго откладывалась.

С (Ф 208) Иду просить божество о милости.

Д (Ф 209) Так как Киллений тянул время и откладывал это дело, Исидору ничего не удалось добиться³².

Е (Ф 210) Не трать самое дорогое, что у нас есть, — время, как сказал один мудрец³³.

³² Мы не знаем, о ком или о чем идет речь.

³³ Ср. DL 5.40 (Теофраст), 7.23 (Зенон Китийский).

Литература

- Афонасин, Е.В. (2021), «Дамаский в Александрии (1): избранные фрагменты его «Философской истории»», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 15.2: 1034–1049.
- Афонасин, Е.В. (2022), «Дамаский в Александрии (2): избранные фрагменты его «Философской истории»», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 16.1: 295–316.
- Adler, A., ed. (1928–1938), *Suidae Lexicon*. 5 vols. Leipzig: Teubner.
- Afonasin, E.V. (2021), «Damascius in Alexandria (1): Selected Fragments of His *Philosophical History*», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 15.2: 1034–1049. (In Russian.)
- Afonasin, E.V. (2022), «Damascius in Alexandria (2): Selected Fragments of His *Philosophical History*», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 16.1: 295–316. (In Russian.)
- Asmus, R. (1911), *Das Leben des Philosophen Isidoros*. Leipzig: Felix Meiner.
- Athanassiadi, P., ed. (1999), *Damascius. The Philosophical History*. Athens: Apamea Cultural Association.
- Hadot, I. (2015), *Athenian and Alexandrian Neoplatonism and the Harmonization of Aristotle and Plato*. Leiden: Brill.
- Henry, R., ed. (1959–1977), *Photius. Bibliotheca*. 8 vols. Paris: Les Belles Lettres.
- O'Meara, D. (2006), «Patterns of Perfection in Damascius' Life of Isidore», *Phronesis* 51.1: 74–90.
- Pingree, D. (1976), «Political horoscopes from the reign of Zeno», *Dumbarton Oaks Papers* 30: 133–150.
- PLRE I = Jones, A.H.M.; Martindale, J.R.; Morris, J., *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. 1: A.D. 260–395. Cambridge University Press, 1971.
- PLRE II = Martindale, J.R., *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. 2: A.D. 395–527. Cambridge University Press, 1980.
- Zintzen, C., ed. 1967. *Damascius. Vitae Isidori reliquiae*. Hildesheim: G. Olms.